

Дина
Рубина

**ЭМИГРАЦИЯ,
ТЕНЬ У ОГНЯ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление серии
«Большая проза Дины Рубиной» *А. Дурасова*

Художественное оформление серии
«Pocket book» *С. Костецкого*

Рубина, Дина.

Р82 Эмиграция, тень у огня / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191206-2 (Большая проза Дины Рубиной)
ISBN 978-5-04-191186-7 (Pocket book)

Эмиграция — явление старое, пережившее пик поэтизации в годы Первой мировой войны и сильно романтизированное благодаря Василию Кандинскому, Ивану Бунину и Федору Шаляпину.

Родину покидают всегда не просто так — это огромное испытание для характера, определенный слом и сдвиг судьбы, вызов, который человек бросает и самому себе, и миру. Через эмиграцию прошли крупнейшие художники начала прошлого века и современности, не миновала ее и Дина Рубина, чье творчество стало безусловным камертоном русской литературы конца века.

В этой книге автор специально собрал истории, так или иначе связанные с темой обретения новой земли и отказа от земли старой. В них есть и юмор, и печаль, и ирония, и сострадание, обнимающее всех, с кем это случилось только что или кому это предстоит.

Опыт эмиграции не может быть универсальным, и вместе с тем он — переданный от большого художника — имеет свойство помогать и поддерживать.

Именно ради этого и была придумана эта книга.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191206-2
ISBN 978-5-04-191186-7

© Д. Рубина, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Как это здесь называется?

Что такое отечество?

Место, где ты не будешь похоронен.

*Борис Хазанов,
«Ветер изгнания»*

— Представьте, что у вас в кухне упал крючок...

— Что за крючок?

— Обыкновенный крючок, для полотенца. Вы моете руки, поворачиваетесь направо...там тридцать лет вашей жизни висит полотенце, а крючок упал, и потому полотенце не висит, а заткнуто за дверцу шкафа.

— Ну, и что?

— ...то, что вы мысленно раздраженно чертыхнетесь и подумаете, что в воскресенье надо наконец достать из кладовки дрель и заново вбить этот идиотский, дорогой-любимый крючок, на котором тридцать лет висит дорогое-любимое, не замечаемое в обычной жизни полотенце.

— Ну, и что? — упрямо повторила я. — При чем тут эмиграционный шок?

Был на исходе 1989 год двадцатого столетия, мы сидели на нашей московской кухне с приезжим гостем, бывшим ленинградцем, который на тот момент уже семнадцать лет жил в Иерусалиме, а в Москву приехал повидаться с сыном от первого брака, и в то время такие залетные персоны из Зазеркалья были *на свежачка*.

— При том, — терпеливо ответил наш гость, он вообще говорил размеренно, спокойно, не раздражаясь, когда его прерывали или возражали ему, — что вся ваша жизнь в первые, длин-

6 ные годы эмиграции превратится в одно нескончаемое ощущение потерянных ориентиров и привычных, налаженных всей жизнью жестов и движений. Вы не понимаете, куда и как вам двигаться. Вы поворачиваетесь вправо, влево... разводите руки и, балансируя, ступаете на тонкий лед, который в любую минуту может под вами треснуть.

Я недовольно фыркнула...

К тому времени у нас дома уже побывало несколько израиль-тян. И все они расписывали какую-то новую захватывающую, едва ли не райскую жизнь под пальмами и пиниями («Дитя, сестра моя, уедем в те края...»). Один рассказывал о снеге в Иерусалиме — как тот лежит на розах, на кустах олеандров... Другая клятвенно уверяла, что вот таких убогих квартир, как наша (мы жили в обычной хрущевке-распашонке), в Израиле просто не бывает, — это впоследствии оказалось наглой брехней. Мы жадно им всем внимали, ибо хотели, чтобы так и было: и снег на розах, и дом с камином, и радость, и дружество, и жизнь, и слезы, и любовь, — ибо жизнь в те месяцы окружала нас премерзкая. Все троллейбусные остановки на километры окрест были оклеены листовками общества «Память». А я сама угодила в знаменитую драку в ЦДЛ между пожилыми представителями писательского демократического движения «Апрель» и молодыми бугаями из общества «Память».

В то время мы уже подали документы в ОВИР и ждали разрешения на выезд. Мы были охвачены порывом вонне, прочь из осточертелой жизни. Прочь из тяжелой, угрюмой антисемитской страны.

А тут — какой-то проезжий зануда со своим крючком на кухне. Полный бред!

Вот кого надо было внимательно слушать... Хотя, конечно, и снег на розы в Иерусалиме зимой изредка выпадает, и дома с камином у кое-кого из нас появились четверть века спустя... Вот кому надо было верить. Будете выть волчьим воем, подспудно обещалось в его словах, будете биться головой о стены, будете немыми, глухими, безхозными. Ничьими будете. Для местных аборигенов — просто слабоумными.

Жизнь ваша будет подвешена на крючок...

Психологи уверяют, что стресс от эмиграции равен стрессу, который испытывает человек, потерявший двух членов семьи. Не одного — двух!

Труднее, больнее всех пережила эмиграцию наша маленькая дочь.

— Понюхай, понюхай! — восклицала она, раздувая ноздри. — Чувствуешь? Русский запах!

— Что-о?! Что это значит?

— Пахнет нашим подъездом в Москве.

— Ну, что ты, — огорченно говорила я, плотнее перехватывая ее ладошку. — В московском подъезде стояла кошачья вонь, туда вечно алкаши забредали отлить!

Она закрывала глаза и мечтательно качала головой:

— Там прекрасно пахло...

Я проживала день за днем, неделю за неделей, год за годом, описывая это плавание к далеким берегам собственной жизни; описывала страшные штормы, кораблекрушения, одинокий дрейф на хлипком плоту. Но, конечно, и слепящую ширь океана я описывала, и золотые блики солнца на глади волн, и свежий океанский бриз. Ибо это долгое плавание предполагает только одну остановку: конец твоего собственного пути. Ибо за плечами твоими уже нет родины, впрочем, она и в другие времена именовала тебя безродным космополитом. А истинным космополитом еще попробуй стать: ты ведь попала в такую новую свою страну, которая предъявляет себя неумолимо, требует тебя целиком, с потрохами, с детьми и внуками, со всей твоей жизнью; и вот ты вновь подвешена на крючок.

Ты пробуешь понять, что вокруг звучит — о чем говорит окружающее тебя пространство: ведь ты — писатель, ты питаешься звучащим языком народа. Но здесь, даже понимая беглый смысл разговора, ты не схватываешь контекст, глубинную суть местной жизни в ее обиходе. Здесь ты — инвалид, ты действительно слабоумный, к тебе и относятся как к симпатичному, но явно слабоумному существу. А как еще назвать человека, который не понимает шутки, двойного

8 смысла фразы, пословицы, означающей, оказывается, совсем не то, что демонстрирует ее прямой текст... Что они говорят? Почему засмеялась вдруг та девица? А тот громкий старик — он ругается или так выражает свое удовольствие? И как это здесь называется — вот это, да, тот пирожок с корицей! Как это здесь называется?! Как, черт возьми, здесь будет «корица»?

Но, главное, и они не могут тебя понять, и они тебе кажутся, уж признайся, слегка слабоумными.

Вспоминаю эпизод за собственным субботним столом, когда к семейному ужину был приглашен израильский ухажер дочери. Я приготовила «селедку под шубой», говорила гостю: «Что ж ты не ешь, попробуй вот это, вкусно!»

Мальчик спросил Еву, как называется это блюдо на иврите?

Она подумала и сказала:

— Э-э-э...солёная рыба в меховом пальто.

Мальчик изменился в лице и отшатнулся.

А оглядываться назад — дело последнее, вернее, предпоследнее. Самое последнее дело — возвращение назад. Тебя все забыли, выкинули из жизни, ты не понимаешь половины слов, которыми изъясняются эти сопляки-журналисты; язык — единственная драгоценность, которую ты вывезла с собой, — кажется тебе анахронизмом, а вовсе не «замороженной земляникой», — хотя интервьюеры всегда делают тебе вежливый комплимент: «Ах, как же вы сохранили такой русский язык!» Впрочем, такой же комплимент тебе делают и таксисты — вот уж кто брюхом чует чужака. Словом, ты вновь чужая, ты уже пожилая дама, а главное — твоё полотенце уже тридцать лет висит далеко отсюда, на совсем другом крючке.

Однако...

Однако когда срastутся ребра, переломанные в кораблекрушении под названием «эмиграция», когда прояснится и обострится зрение, оgranенное ширью океанских валов, когда, преодолев расстояние и время, и, ощутив под ногами новую твердь, ты обнаружишь себя более устойчивой, более жесткой и куда как менее доверчивой и менее сговорчивой... — ты поймешь, что судьба, лишив отечества, подарила тебе некий шанс на вторую попытку.

В конце-концов, литературу создавали и вне родного чернозема: Гоголь, Тургенев, Герцен, Гончаров, Набоков, Бунин... не будем пускаться в этот длиннющий путь, ибо важно другое. У кошки девять жизней, у тебя будут две. Две разные, но единственные и наполненные жизни. Эмиграция — это умножение на двое тоски, но и радости тоже; провалов, но и удач, а как же. Умножение друзей, умножение чувств и зрения, умножение свободы и любви к дому, который тебя приютил и в конце-концов принял. Еще одно, дополнительное измерение бытия! И это огромный фарт, подарочный жетон, который заложен в самой идее эмиграции, в твоей поломанной надвое, но и умноженной на двое жизни.

Дина Рубина

Во вратах твоих

Посвящается БОРЕ

Сказал Эсав Амалеку: «Сколько раз я пытался убить Яакова, но не был дан он в мою руку. Теперь ты направь мысль свою, чтобы осуществить мою месть!» Ответил Амалек: «Как смогу я одолеть его?» Сказал Эсав: «Расскажу я тебе о законах их, и когда увидишь, что пренебрегают они ими, тогда нападай».

Мидраш

Останавливались ноги наши во вратах твоих, Иерусалим...

Псалом

В некоторых африканских племенах верхом бесстыдства считается хождение с бюстгальтером...

*Текст, не прошедший
редактуры*

* * *

Редактором в фирму «Тим'ак» меня пристроил поэт Гриша Сапожников, славный парень лет пятидесяти, уютно сочетающий в себе православное пьянство с ортодоксальным иудаизмом. (Впрочем, в Иерусалиме я встречала и более диковинные сочетания, тем паче что иудаизм пьянства не исключает, а, напротив, включает в систему общеврейских

радостей, у нас, помилуйте, и праздники есть, в которые сам Господь велел напиваться до соплей...)

А Гришка, Гриша Сапожников, носил еще одно имя — Цви бен Нахум, это здесь случается со многими. Многие по приезду начинают раскапывать посконно-иудейские свои корни. Хотя есть и такие, кто предпочитает доживать под незамысловатой российской фамилией Рабинович.

А вот Гриша, повторяю, как-то ухитрился соединить в себе московское прошлое с крутым хасидизмом — возможно, при помощи беспробудного пьянства.

Он работал в одном из издательств, выпускающих книги по иудаизму на русском языке.

Из-за феноменальной его грамотности Гришу в издательстве терпели. Например, строгий тихий рав Бернштейн, чей стол в тесной комнатенке стоял впритык к Гришину, вынужден был терпеть запах перегара, налитые преувеличенной печалью Гришины глаза и, главное, его драную майку. Дело в том, что по известной причине Грише всегда было жарко.

Как ни зайдешь к нему в издательство — он сидит себе в майке, отдувается, а на стене над ним висит на гвоздике малый талит. (Я объясняю для тех, кто не знает: это нечто вроде длинного полотенца с отверстием для головы посередине, с концов которого свисают длинные нити — цидит.)

— Погоди, я оденусь, — обычно говорил Гриша, снимая с гвоздика талит и, как лошадь в хомут, продевая в отверстие голову. При этом его пухлые плечи с кустиками волос оставались на виду. Меня-то, как человека циничного, обнаженные Гришины плечи смутить не могли, а вот раву Бернштейну явно становилось не по себе, тем более что, беседуя, Гриша то и дело обтирал подолом талита потную шею движением буфетчика, обтирающего шею подолом фартука.

— Запиши телефон, — сказал Гриша, отдуваясь и обтирая шею, — там нужен редактор, это издательская хевра. Спросишь Яшу Христианского.

— Какого? — уточнила я преданно.

Он достал из стола бутылку водки, налил в бумажный стаканчик и выпил.

12 — Да нет, это фамилия: Христианский, — крикнув, пояснил Гриша. — Кстати, он пишет роман «Топчан», так что, боже тебя упаси проговориться, что в Союзе у тебя выходили книги и вообще, что ты чего-то стоишь. Ты ничего не стоишь. Ты — просто дамочка. Старательная дамочка, набитая соломой. Понятно?

— Понятно, — сказала я. — Спасибо, Гриша.

— Рано благодарить. Он тебе устроит нечто вроде проверки. Сцепи зубы и стерпи. Его все знают за жуткую...

Рав Бернштейн кашлянул, и Гриша, запнувшись, закончил:

— Одним словом, оглядишься.

Когда рав Бернштейн вышел из комнатки, Гриша обтер шею подолом талита и сказал:

— Тут и так жарко, а они еще окна загерметизировали.

Окна были исполосованы клейкой лентой вдоль и поперек. Как у меня дома.

— Гриш, война будет? — спросила я.

Цви бен Нахум налил водки в бумажный стакан, глотнул и сказал:

— А хер ее знает...

Накануне войны, улицей темной и тесной пробиралась я в поисках восточного дворца с фонтаном и пальмой.

(Позже, при свете дня, улица оказалась самой обыкновенной, не широкой, но и не узкой, автобусы ходили в обе стороны. Что это было тогда — эта сдавленность восприятия, этот спазм воображения, это сжатие сердечной мышцы — в ожидании войны, дня за три, кажется?)

Объясняли, что справа должен тянуться зеленый забор, потом какая-то стройка, повернуть налево и войти во двор.

Кой черт забор, да еще зеленый — поди разберись в этой тьме! — я поминутно спотыкалась об арматуру, торчащую из земли, и потому поняла, что забор кончился и началась стройка...

До сих пор в слове «война» заключался для меня Великий Отечественный смысл — школьная программа, наложенная

на биографии родителей и расстрелянных родственников. Но поскольку Отечество накренилось, сдвинулось и, отразившись пьяной рожой в тысяче осколков разбитого этой же рожой зеркала, полетело в тартарары, неясно стало — как быть со старыми смыслами и чего ждать незащищенной коже и слизистой глаз, носа, рта. (Противогазы нам уже выдали. Борис составил их аккуратно на антресолях хозяйского шкафа.)

Итак, накануне войны, улицей темной и тесной, как тяжелый путь к свету из материнской утробы (она и называлась соответственно — «Рахель имену», что в переводе на русский означает «Рахель — наша мама»), я пробиралась в поисках восточного дворца с фонтаном и пальмой.

Когда-то, еще до Шестидневной войны, во дворце размещалось посольство то ли Эфиопии, то ли Зимбабве, а после начала той войны то ли Нигерия, то ли Тунис разорвали дипотношения с нами (с нами? с этими, здесь, ну, с Израилем), и посольство в полном составе драпануло из дворца, оставив фонтан и пальму. На редкость крупный, можно сказать кинематографический, экземпляр: высоченная прямая пальма с мощным волосатым стволом, а вот породу — не скажу, не знаю. В нашей стороне (в нашей? в тамошней, в российской) такого не росло.

В полнейшей уличной тьме здание мавританской архитектуры было тепло освещено изнутри ярким желтым светом, и этот свет падал на большие жесткие листья пальмы, на фонтан, подсвечивая их, словно театральную декорацию.

Я поднялась по внешней, легким полукругом взбегающей на второй этаж лестнице, миновала террасу, толкнула дверь и вошла в очень просторный, почти не заставленный холл. Через стеклянные двери аудиторий видны были юношеские головы в цветных вязаных кипах. Я пошла в боковой коридор, столкнулась с каким-то парнишкой, спросила на плохом своем иврите, где тут читает лекцию рав Карел Маркс. Тот указал на дверь, я постучала и вошла.

В этот вечер разбирали тему первой битвы Израиля с Амалеком.

Рав Маркс оказался пылким изящным чехом, жесты имел округлые, певучие: то разбрасывал в стороны сильные кисти

14 рук, как пианист в противоположные концы клавиатуры, то расставлял их боевыми шатрами друг против друга, то вонзал указательный палец куда-то в потолок.

— Не народ против народа, — с мягким нажимом произносил он. — Но Бог против народа! — И плавной дугой вздымался вверх указательный палец.

Талантливым проповедником был рав Карел Маркс. На иврите говорил достаточно хорошо, хотя и с заметным акцентом. Гортанное, на связках «рейш», мягко всхлипывающее у сабр, у него грозно рокотало где-то в носоглотке.

В перерыве все вышли на террасу, там на столике стояли электрический самовар, одноразовые стаканчики, кофе, печенье на тарелке.

— А здесь культурно, — сказал кто-то за моей спиной, — и чисто. Они, видимо, к консервативной синагоге принадлежат.

— А я в ортодоксальную ешиву ходил, — отозвался другой, — так я в жизни столько мяса не ел, сколько там дают. Даже компот с мясом...

Домой я возвращалась в автобусе со старостой группы Гедалией — приятным пожилым человеком с лицом симпатичной козы. Кажется, он работал в университетской библиотеке.

Когда миновали район Мошава Германит и автобус въехал на Яффо, ярко освещенную центральную улицу с там и сям бегающими огоньками рекламы над магазинами, стало веселей на душе. И поскольку говорили все о том же, Гедалиа сказал, неуверенно улыбнувшись в слабую бородку:

— Не думаю, чтобы бомбили Иерусалим. Здесь все-таки мусульманские святыни.

— Знаете, перспектива бомбежки Тель-Авива тоже как-то мало радует.

— Конечно, конечно! — Он смутился. — И потом, у нас тут горы, а газ, как вам известно, стекает и стелется понизу.

— Да, я что-то читала, — сказала я.

* * *

Первые недели эмиграции казались тяжелой болезнью — брюшным тифом, холерой, — с жаром, бредом, да не дома, на своей постели, а в теплушке бешеного поезда, мчащегося черт знает куда. Между тем деятельно занимались делами: отстаивали в нужных очередях к нужным чиновникам, получали пособия, сняли квартиру в приличном районе — правда, религиозном, да шут с ним, какая разница, даже любопытно... Вот только воду приходилось кипятить в кастрюльке. Наш новый эмалированный чайник сгинул в чудовищной пучине шереметьевской таможни.

Соседи слева подарили нам холодильник, который явно был старше, чем Страна. Он никогда не отключался, поэтому скалывать лед, выползавший из морозильной камеры, можно было только ледорубом.

Соседка справа в первый же вечер занесла мне халат и израильский флаг. Флаг был стиранным, халат — тоже. Сын настаивал, чтобы флаг был немедленно вывешен на нашем балконе.

Едва мы заволокли чемоданы в пустую квартиру и вдохнули запах только-только высохшей побелки, зазвонил телефон.

— Семейство Розенталь? — спросили гортанно в трубке.

— Нет, — ответила я по-русски и, спохватившись, исправилась: — Ло.

В трубке еще что-то спрашивали, я торопливо перебила заученной фразой:

— Простите, я не говорю на иврите... — и повесила трубку.

В тот же день съездили на благотворительный склад и привезли оттуда полную машину рухляди: несколько колченогих стульев, две тахты, диван с чужой ножкой, длиннее остальных трех, раскладушку — и огромный обшарпанный канцелярский стол, в котором не доставало трех ящиков. В единственном ящике этого стола я обнаружила записку на русском: «Не забудь полить цветок»... *Поезд все мчался, мчал-*

16 *ся — куда? зачем? что будет со всеми нами? Дети каждый день выпрашивали три шекеля, и ошалевшие от здешних супермаркетов, бегали за жвачками.*

Мы же почти перестали говорить друг с другом, оба умолкли, даже не жались один к другому, как перед отъездом из России, когда тревожно было расстаться на час. Я подозревала, что и Борис болеет этой неназываемой болезнью...

В первую ночь мне приснился сон об иерусалимских банях. Я мылась там вместе с «досами», так называли здесь ультраортодоксов. И как в прежних своих тягостных снах о метро, я была абсолютно, до неприличия раздетой. Хасиды сурово отводили от меня взгляды и яростно намывливали на себе лапсердаки и шляпы. Колебались пейсы, которые светская публика именует «блошиными качелями».

Я проснулась и спросила Бориса:

— В Иерусалиме есть бани?

Он подумал, сказал:

— Вероятно. В каких-нибудь отелях... Вообще, бани — это не еврейская забава.

— Почему? — спросила я.

— Возможно, мы всегда предчувствовали тот жар, спаливший половину нации, ту страшную парную...

Бешеный поезд все мчался, мелькали какие-то пейзажи за окнами — средиземноморские, дивные, картинные: «Как, вы не были еще на Мертвом море? — вот где потрясающе красиво!»... Температурный бред тифозного больного: где я? где я? пить... «Это называется у нас хамсином, — приветливо объясняли мне, — нужно пить как можно больше».

В первую субботу зашли к нам доброжелательно улыбающиеся соседи, подарили Борису талит и пригласили в синагогу. Вернувшись после трехчасовой молитвы, он повалился на тахту с поломанной ножкой и сказал: для того, чтоб быть евреем, нужно иметь здоровье буйвола, боюсь, мне уже не потянуть...

...Наконец сумасшедший поезд сбавил скорость, и можно было уже различить что-то за окнами его: искусно сделанные

парики, похожие на натуральные прически, и густые вьющиеся пейсы, похожие на букли парика. В белой хламиде шел по тротуару царственно прекрасный эфиоп: величественно статный, такой слишком настоящий, что даже казался актером, удачно загримированным для роли Отелло. А те два хасида, шествующие по Меа Шеарим, напоминали Стасова и Немировича-Данченко, или вдруг ухо выхватывало из радиопередачи: «...выступал хор Главного раввината Армии обороны Израиля...»

* * *

Дом, на последнем этаже которого мы сняли небольшую квартиру, стоял на одном из высоких холмов Рамота, одного из самых высоких районов Иерусалима. С балкона четвертого этажа такой раскинулся вид на город — хоть экскурсии води. По левую руку — гора Скопус с башней университета, по правую — башня отеля «Хилтон». Вдали синела кромка Иорданских гор... Ну и так далее...

Дом стоял на холме, выступая углом; наш балкон, если смотреть снизу, с зеленого косогора, напоминал кафедру. Словом, некая возвышенность присутствовала.

Кстати, о возвышенности. Мне кажется, что наличие некоего возвышения, не скажу — обуславливает, но располагает к поискам в собственной душе, не скажу — вершин, но возвышенностей, да. Так что я вижу прямую зависимость религиозного состояния общества от рельефа местности. Вероятно, с вершин уместнее взывать к Богу.

Что касается меня, то я всегда знала, что Бог есть. Я говорю не об ощущениях, а о знании. Это при абсолютно атеистическом воспитании в совершенно атеистической среде. То есть в полном отсутствии Бога. Моя младшая сестра в детстве перед экзаменом по музыке молилась на портрет польского композитора Фредерика Шопена, который висел у нас в комнате. Однажды я подслушала эту молитву. «Шопочка! — жарко шептала моя девятилетняя сестра. — Милый Шопочка, сделай так, чтоб я не ошиблась в пассаже!..» Так что я сразу отметаю любой диспут на эту тему.

18 По субботам из соседних квартир доносилось широкое утробное пение. Мелодия напоминала нечто среднее между «Шумел камыш» и «Из-за острова на стрежень». Пели здоровыми кабацкими голосами, в которых чувствовалась полнота жизни.

По проезжей части улицы по двое, по трое неторопливо шли мужчины в синагогу. Белые, с черными полосами талиты спадали с плеч, как плащи испанских грандов.

Графически это было так красиво, что первые несколько недель я поднималась в субботу пораньше, чтоб из окна понаблюдать диковинную для меня и такую обычную здесь картину: евреи в талитах шли по улице в соседнюю синагогу...

Когда вернулась способность видеть и слышать, поезд замедлил ход, пополз, остановился, и обморочно вялые, как после тифа, мы сползли со ступенек на эту землю...

* * *

Издательская фирма «Тим'ак», куда послал меня Гриша Сапожников, арендовала помещение у известной газеты «Ближневосточный курьер». Само здание «Курьера» — серое, приземистое, длинное — напоминало нечто среднее между тюрьмой усиленного режима и курятником. «Тим'ак» арендовал на втором этаже небольшой зал, перегороденный самым идиотским способом на множество маленьких кабинок. Войдя в зал, посетитель попадал в лабиринт и принимался блуждать по кабинкам, хитроумно переходящим одна в другую. И поскольку перегородки были высотой в человеческий рост, то по плывущему над ними головному убору можно было определить с немалой степенью вероятности, кто из заказчиков явился.

— Ну-с, что бы такое вкусненькое дать вам поредактировать? — ласково-небрежно спросил Яша, роясь в бумагах на столе.

Христианский оказался ортодоксальным иудеем — рыжим, томным, с орлиным носом, внушительной фигурой, схваченной портупеей (какие носят сотрудники сил безопасности — с кобурой под мышкой), и инфантильной привыч-

кой пятилетнего бутуза оттягивать большими пальцами ремни портупеи, как помочи.

— Да вот, хоть это...

Я взяла протянутый им листок с напечатанным на нем следующим машинописным текстом: «Неотъемлемым правом каждого гражданина Израиля является право быть похороненным за счет государства в течение 24 часов. Если вы желаете быть похороненным рядом с супругом (ой), следует заблаговременно заявить об этом не позднее чем за тридцать дней до похорон...» Далее до конца страницы перечислялись погребальные льготы, положенные каждому гражданину Израиля.

— А... что это? — спросила я обескураженно.

— Какая разница? — улыбнулся Яша. Добрые морщинки разбежались вокруг его рыжих глаз. — Не важно. Не за то боролись! Редактируйте, редактируйте...

— Нет, постойте, может, это юмор...

— Ну, какой же юмор! — возразил он. — Это брошюра министерства абсорбции о правах репатриантов. Выбирайте кабинку по душе. Вот тут работает у нас Катька, там — Рита... Чувствуйте себя комфортно.

Он вышел, а я села в свободную кабинку, достала из сумки ручку и положила перед собой лист.

Первым делом я вычеркнула высокопарное слово «неотъемлемым». Затем вставила слово «покойного» перед словом «гражданина», чтобы у очумевших репатриантов не возникло впечатления, что немедленно по прибытии в аэропорт Бен-Гурион следует воспользоваться правом быть похороненным за счет государства в течение 24 часов. Получилось вот что: «Правом каждого покойного гражданина Израиля является право быть похороненным за счет государства в течение 24 часов». Я содрогнулась и вычеркнула. Написала мелкими буквами сверху: «Правом каждого гражданина Израиля является право в свое время быть...» и так далее. Перечитала и ужаснулась. Решительно вычеркнула все. Глубоко вздохнула и написала: «Если вы умерли, ваше право...» Тьфу!.. Я вспотела... Вычеркнула!... Посидела с минуту, написала:

20 «Каждый гражданин Израиля, умерев в положенный срок, имеет право...» О господи, а если не в положенный? Я вычеркнула все жирно и написала на полях маленькими аккуратными буквами:

«Когда вы умрете, вас похоронят за счет государства в течение 24 часов»

Сидела, тупо уставившись на эту обнадеживающую фразу, и слушала стрекотание компьютеров в соседних кабинках.

Собственно, я прекрасно понимала, что со мною происходит. Обычный стресс, повторяла я себе, такое бывает с людьми первое время в эмиграции. Например, Сашка Колманович, наш сосед, программист, в Союзе работавший над созданием искусственного интеллекта четвертого поколения, проходил на днях тест в какой-то частной фирме по производству компьютерных программ. И последним заданием была просьба нарисовать женщину, обыкновенную женщину. Очумевший от пятичасового теста Сашка нарисовал два треугольника, конус и корень квадратный из какого-то сумасшедшего числа... А это оказался примитивный тест на здоровую сексуальность. Вот и все. Так что после этого рисунка Сашка проходил еще пять дополнительных тестов.

— Рита, Рит... — послышалось из кабинки справа... — Слышь, вчера из России Синайка вернулся...

Слева, продолжая шелкать по клавиатуре, медленно спросили:

— Это кто... Синайка?

— Да сосед наш, — воскликнули справа, — профессор лингвистики, помнишь, я рассказывала — Синай Элиягу Аушвиц. Старенький, основатель кибуцев. Мы его дома Синайкой зовем...

— Ну?

— Вернулся в полном балдеже... «Коммунизм, — говорит, — коммунизм! Как большой кибуц! Свет — бесплатно, телефон — бесплатно. Коммунизм!» Особенно от Ленинграда в восторге. Пришел к «Авроре», а там на набережной бродячий оркестрик играет. Синайка спрашивает: «Гимн можете сыграть?» Лабухи говорят, мол, будут доллары — будет гимн.

Он им бросил в кепку два доллара, они заиграли «Союз нерушимый республик свободных». Он от восторга чуть не спятил. «А можно, — спрашивает, — я дирижировать буду?» Лабухи великодушные, разрешили... Представляешь картинку, Рит?

Слева прекратили стрекотать, помолчали и задумчиво проговорили:

— В этом есть своеобразный сюр: в Ленинграде, на фоне «Авроры», под управлением старого израильского профессора уличные музыканты играют гимн подыхающей империи...

Мне сразу понравились эти двое, этот московский, такой знакомый ироничный говорок людей моего круга. Очень захотелось остаться здесь работать. Хоть за три копейки. Хоть за тысячу шекелей, только бы «со своими».

Я вычеркнула все, что написала прежде, хмыкнула и, понимая, что все равно все пропало, застрочила: «Не приведи Господи, конечно, но если вы помрете — не волнуйтесь. Таки вас похоронят, и довольно быстро, дольше двадцати четырех часов не позволят валяться в таком виде на Святой земле. Вашим родным не придется тратиться, государство Израиль обслужит вас по первому разряду: катафалк, кадиш, то-се — словом, не обидят, вы останетесь довольны. Если же вы так привязаны к своей супруге(гу), что желаете и после смерти лежать с нею рядом, вам следует заблаговременно придушить ее, не позднее чем за 30 дней до своих похорон».

Тут над барьером кабинки справа появилась голова, как мне показалось, пятнадцатилетнего мальчика. Круглые черные глаза с оценивающим любопытством оглядели меня.

— Здравсьте, — сказали мне. — Вы к нам редактором пробуетесь?

Я молча махнула рукой.

— А, понятно, похороны редактировать дал?

— Кать... Ты поосторожней, — послышалось слева. — Он появится сейчас.

— Да у них сейчас дневная молитва, — отмахнулась та, что оказалась Катькой. Имя ей очень шло.

— Он всем про похороны дает? — спросила я.

— Ага, — отозвалась она.

— А зачем? — спросила я. — Ведь с этим текстом ничего невозможно сделать.

— Да он его сам придумал, — объяснила Катька охотно и просто. — Развлекается...

Тотчас рядом с Катькиной головой возникла другая — коротко стриженная курчавая голова борца с удивительно хладнокровным выражением глаз. Обычно такое выражение глаз бывает у людей с хорошо развитым чувством юмора. Я догадалась, что это вторая сотрудница, Рита.

— Хотите совет? — спросила она. — Вы умеете лицемерить?

— Конечно! — воскликнула я.

— Так вот... — Она говорила медленно, словно вдумываясь в какое-то дополнительное значение слов. — Сейчас Христианский выведет вас гулять...

— В каком смысле?

— По улицам, — невозмутимо уточнила она. — И станет рассказывать про свой роман...

— С женщиной? — спросила я.

— Он будет рассказывать о своем романе «Топчан», — пояснила Рита. — Так вот... Хвалите.

— Помилуйте, как же я могу хвалить, если не читала?

— Ну, бросьте, — Рита поморщилась, словно я брякнула несусветную глупость. — А еще хвастаетесь, что умеете лицемерить. Скажите, что замысел гениален, что сюжетные повороты неслыханно новые; и главное — просите, просто умоляйте дать почитать! Хватайте за рукава и ползайте на коленях.

Хлопнула дверь, и над барьерами кабинок поплыла черная кипа Христианского. Он оживленно посвистывал. Тут же Катьку и Риту сдуло по кабинкам, вразнойой деятельно защелкали клавиши.

— Ну, как ваши дела? — спросил Яша приветливо, заглядывая ко мне. — Знаете что, бросьте вы это. Не за то боролись. Здесь такая духота, а на улице благодать, теплынь. Не хотите ли пройтись минут десять? Заодно и поговорим...